

Николай Семёнович Лесков

Старые годы в селе

Плодомасове



Николай Лесков

Старые годы в селе Плодомасове

«Public Domain»

1869

Лесков Н. С.

Старые годы в селе Плодомасове / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1869

Содержание

Очерк первый	5
Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвертая	11
Глава пятая	13
Глава шестая	16
Глава седьмая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Николай Лесков

Старые годы в селе Плодомасове

Очерк первый Боярин Никита Юрьевич

Глава первая Бранка

Основание села Плодомасова покрыто мраком неизвестности, а название свое оно получило по имени бояр Плодомасовых, которые владели этим селом издревле и для которых господствующая надо всею окрестностью плодомасовская барская усадьба была гнездом, колыбелью и питомником.

Род дворян Плодомасовых – род очень старый. Имена Плодомасовых встречаются в росписях служилых людей Ивана III и Ивана Грозного, при котором двое из Плодомасовых покончили свою служебную карьеру: один на колу, а другой на плахе.

Затем этот опальный, всеми позабытый дворянский род до царствования Петра Первого широко жил в своем родном гнезде – в селе Плодомасове. Это большое старое село лежало среди дремучих лесов, на берегу быстрого притока Волги – многоводной реки Турицы, в местности свежей, здоровой, богатой и лесами, и лугами, и водами, и всем тем, что восхитило очи творца, воззревшего на свое творение, и исторгло у него в похвалу себе: «это добро зело», – это прекрасно. Но, живучи во всем этом довольстве и прохладе, род Плодомасовых не размножился, и в эпоху царствования первого императора представителем всего рода бояр Плодомасовых оказался только один, холостой и безродный боярчук Никита Юрьич. Никита Юрьич с тех пор, с которых он был в состоянии себя помнить, помнил себя круглым сиротою и возрастал на руках мам и пестунов во всем барском своеволии тогдашнего времени – своеволии, которому, однако, уже полагался конец строгою рукою царствовавшего преобразователя. Никите Плодомасову было суждено быть свидетелем начала забастовки этих боярских самовольств и самому подпасть под одно из колес, на которых царь двигал в новую жизнь нерушимую збстарь России. В 1715 году приехали в село Плодомасово, в большой красной сафьянной кибитке, какие-то комиссары и, не принимая никаких посыл и подарков, взяли с собой в эту кибитку восемнадцатилетнего плодомасовского боярчука и увезли его далеко, к самому царю, в Питер; а царь послал его с другими молодыми людьми в чужие края, где Никита Плодомасов не столько учился, сколько мучился, и наконец, по возвращении в отечество, в 1720 году, пользуясь недосугами государя, откупился у его жадных вельмож на свободу и удрал опять в свое Плодомасово.

Здесь Никита Плодомасов повел себя так, как теперь ведут себя молодые турки, возвращающиеся домой из парижской французской коллегии: он старался вознаградить себя за все стеснения, претерпенные им в течение пяти лет от цивилизации и подневольной жизни. Он сел феодалом в своем старом, как каравай расплывшемся доме, реставрировал опять старые отцовские и дедовские порядки: завел соколиные и псовые охоты с крепостными псарями, сокольничными, стремянными и доезжачими, которые все вместе составляли одну разбойничью ватагу, не знавшую ни стыда, ни совести, ни удерж и не уважавшую никакого закона, кроме прихоти своего полудикого владыки.

С этой сволочью вновь возвратившийся цивилизованный боярин совершал похождения, невероятные до сказочности. Потравы и вытаптывание соседних полей; произвольный сбор дани с купцов, проезжавших через мосты, устроенные в его владениях; ограбление ярмарочных обозов; умыканье и растление девиц – все это были только невинные шутки, которыми потешался боярин. Инстинкты его достигали размеров гораздо страшнейших: он ездил с своими охотниками как настоящий разбойничий атаман; брал ради потехи гумна и села; ходил в атаку на маленькие беззащитные города, брал в плен капитан-исправников и брил попов и дьяков. Но был положен предел и дебоширствам Плодомасова, и притом положен был этот предел самым неожиданным образом.

Кочуя с своею опричиною по далеким селам и поселкам, Никита Плодомасов осенью в 1748 году заехал случайно в село Закромы. Это удаленное от Плодомасовки село Закромы было даже не село, а просто деревушка дворов в двадцать. Она отстояла от имения Плодомасова с лишком на двести верст, и по причине этой отдаленности до сих пор скрывалась и от плодомасовского внимания и от его нападений; а принадлежали Закромы отставному петровскому потешному Андрею Байцурову.

Здесь, в скромном домике загромского помещика, Никита Плодомасов увидел пятнадцатилетнюю дочь Байцунова Марфу Андревну и, имея в то время уже пятьдесят один год от роду, страстно влюбился в этого ребенка и на второй же день своего посещения сделал ее родителям декларацию.

Об отказе или хотя бы о малейшей нерешительности в ответе со стороны этих бедных дворян Плодомасов и не помышлял. Было бы несправедливо сказать, что, по его мнению, он делал мелким сошкам Байцуновым слишком большую честь своим предложением: он – гораздо проще – вовсе и не думал о том, как могут быть приняты его желанья. Он знал только одно, что желанья его должны быть исполнены, и потому даже вовсе и не чинился в заявлении своих требований.

– Мне одинокая жизнь с подлыми женщинами уже наконец того и прискучила, – сказал он старикам Байцуновым, – и я в намерении себя от нее воздержать с вашею дочерью, которая мне видом и нравом весьма понравилась. Благословите ее мне, прошу?

Слова эти Плодомасов сказал Байцуновым в первый же день своего посещения, за ужином, за которым дочь их, о которой шло дело, не присутствовала.

Сколь было бесцеремонно это предложение, столь же бесцеремонен был и последовавший на него ответ.

Мать Байцуновой наотрез отказала Плодомасову. Плодомасов был столь удивлен этим отказом, что даже не нашелся как и рассердиться, а только сказал:

– Это почему?

– А потому, честной боярин, что, во-первых, ты для нас, мелких сошек, не пара; а во-вторых, ты моего мужа, а ее отца на пару лет будешь старше; а в-третьих, скажу тебе, что на место твоих подлых женщин, на те же пуховики, я свою дочь класть не намерена и чести девству ее в твоей любви нисколько не вижу.

– Я пух пушу по ветру и наволочки сожгу, – отвечал, понемногу входя в гнев, Плодомасов.

– Хоша и пух ветром пустишь, а где шелудивый конь валялся, там не след чистой негой наступать: лишай сядет. Извини, дорогой гость, и не прими за остуду, а от нашей крови тебе жены не будет, – заключила ему с поклоном, вставши из-за стола, Байцунова.

Этого Никита Юрьич снести не мог. «Будет! – вскричал он, – будет!» – и через десять минут после высказанного ему отказа боярышня Байцунова, спеленутая, как ребенок, плодомасовскими людьми в охотничьи охобни и бурки, была увязана в торока у самого крыльца родительского дома, а через другие десять минут она, в центре предводительствуемого Плодо-

масовым отряда, неслась во всю скачь в сторону незнакомую, неведомую и во всяком случае страшную.

Глава вторая

Погоня

Дворян Байцуровых и всю их дворовую прислугу на другой день крестьяне нашли крепко связанных чембурами и сворами и томившихся в самом печальном положении.

О погоне нечего было и думать. Положение Руслана, стремившегося отнять похищенную у него Людмилу, было не затруднительнее положения, в котором нашли себя развязанные крестьянами Байцуровы.

Старики Байцуровы приняли на свои несчастные груди эту семейную катастрофу неодинаково. И тяжкие обиды и жгучие слезы, стоны и разрывающая сердце скорбь по нежно любимой единственной дочери, которая теперь, в ее юном возрасте, как голубка бьется в развращенных объятиях алчного ворона, все это звало старика Байцунова к мщению; но у него, как у бедного дворянина, не было ни вьюгоподобных коней, ни всадников, способных стать грудью против груди с плодомасовскою ордою, ни блестящих бердышей и самопалов, какие мотались у тех за каждым тороками, и, наконец, – у тех впереди было четырнадцать часов времени, четырнадцать часов, в течение которых добрые кони Плодомасова могли занести сокровище бедной четы, их нежную, их умную дочку, более чем за половину расстояния, отделяющего Закромы от Плодомасовки. Конечно, все худые загромские людишки, сбежавшиеся в хоромы по случаю боярского несчастья, были теперь в сборе; конечно, не за горами были стоявшие по дворам и задворкам и байцуровские понурые лошадки: Байцуров мог собрать и свою кавалерию и лететь с нею на выручку похищенного дитяти своего. Это даже и было первою мыслью старика, когда собравшиеся люди отпустили узлы связывавших его веревок; но куда же годны его пахотные лошаденки для погони за охотничьими аргамаками Плодомасова, на которых теперь мчат его дочь? Куда годны его смиренные людишки для того, чтобы сражаться с буйною опричниною Плодомасова, которая будет стоять за барскую наложницу – за нее, за его маленькую дочку, что станет наложницей Плодомасова прежде, чем отец ее успеет проехать половину пути, отделяющего его деревушку от развратного гнезда похитителя? Страдания Байцунова, как себе можно представить, были ужасны: его дитя представлялось ему отсюда беззащитной в самой леденящей крови обстановке: она трепеталась перед ним в тороках на крупе коня, простирая свои слабые ручонки к нему, к отцу своему, в котором ее детская головка видела всегда идеал всякой справедливости и мощи; он слышал ее стоны, подхватываемые и раздираемые в клочки буйным осенним ветром; он видел ее брошенную в позорную постель, и возле ее бледного, заплаканного личика сверкали в глаза старику седые, щетинистые брови багрового Плодомасова.

Под натиском этих ужасных представлений, ожесточившихся от угнетающего сознания своего бессилия защитить дочь или отмстить за нее, петровский ветеран упал на пол и, лежа лицом на земле, обливал затоптанные крестьянскими лаптями доски своими обильными слезами. Несравненно более геройства, силы и находчивости в эти ужасные минуты явила его жена, Пелагея Дмитриевна Байцунова. Схоронив на дне души всю безмерную материнскую скорбь свою, она, минуты не теряя, велела заложить кибитку, одела мужа в его давно без употребления хранившуюся в кладовой полковую либерию, посадила его в повозку и отправила в город, где была высшая местная власть. Байцурова отправила туда мужа для принесения той власти жалобы и требования у нее защиты. Но, посылая туда мужа, Байцунова, очевидно, не много рассчитывала на горячее участие и защиту со стороны этой власти и имела, конечно, для этого уважительные основания. Несмотря на всю строгость царствовавшего государя, в местах, удаленных от его недреманного ока, в оны времена, как и в дни гораздо позднейшие, на Руси во всю ширь царил безграничный русский произвол, мироволье и бессудство. Байцурога это знала и, послав мужа в город, приняла и другие меры. Не успела скрыться за околицей кибитка

ее мужа, как у ветхого крыльца домика стояла уже другая, запряженная парюю кибитчонка, – в эту усаживалась сама госпожа с дородною мамою похищенной боярышни, пленною туркинею Вассой.

Кибитчонка, в которой отправлялись в путь эти женщины, выехав из околицы, взяла совсем в противоположную сторону от направления, принятого кибиткою Байцурова, и, колыхаясь по колеям топкой осенней грязи, потянула к селу Плодомасову.

Глава третья

Девичий след

В осеннюю ростепель, при которой случилось похищение боярышни Байцуровой и при которой выехали в разные стороны отец и мать молодой пленницы, путь на тонущих по ступицу повозках совершался крайне медленно. Старику Байцурову по крайней мере нужно было трое суток, чтобы доехать до города, а жене его с сопровождавшей ее мамкой-туркиней столько же, чтобы добраться до Плодомасовки.

Между тем в селе Плодомасовке, перед вечером того самого дня, в который из Закромов выехала оборонительная миссия, с вышек господского дома праздными холопами, ключником и дворецким на взгорье черных полей был усмотрен конный отряд их владыки.

В расположении этого отряда опытными и наблюдательными крепостными очами замечено было нечто странное. Буланый аргамак самого боярина, обыкновенно красовавшийся всегда впереди всех коней, нынче уступил свое место другим рядовым коням и шел сзади. Издали с плодомасовских вышек чуть видна была только одна сухая голова аргамака с блиставшим на ней серебряным налобником; его белая звезда из змеиных головок, обыкновенно издали сверкавшая на перекрестке напоперстных ремней седла, была нынче закрыта выступавшею впереди боярина конною толпою. Не видно было и чеканенных пряжек на опущенном черным соболем малиновом бешмете боярина, потому что боярин лежал своей грудью на шее коня и глядел на что-то такое, что бережно везли перед ним его верные слуги.

Впереди приближавшейся группы ехали четыре всадника: два впереди и два сзади. Они ехали на таком друг от друга расстоянии, что двое едущие рядом могли без затруднения подать один другому руки, а головы двух задних лошадей совсем почти ложились на крупы передних.

Все эти четыре всадника бережно везли нечто такое, чего никак не могла издали рассмотреть и определить плодомасовская дворня, готовая во сретенье своего приближавшегося повелителя.

Но вот отряд подходит все ближе и ближе; наблюдающие его приближение домашние люди уже узнают в лицо каждого из четырех всадников, везущих впереди отряда странную ношу; видно, наконец, и грозно нахмуренное лицо самого боярина. Он понуро и мрачно глядит из-под надавленных тяжелою аксамитною шапкою бровей на эту бережно охраняемую ношу. Что бы это было такое? раненый тур, сохатый лось или гнездо робких серн, которых ретивым псарям боярина удалось взять живыми и которых живыми вздумалось и довести домой боярской прихоти? Но зачем же в подходящем отряде эта нерушимая тишина, столь несвойственная возвращению Плодомасова с отъезжих полей? Зачем не слышно ни бубнов, ни песен; зачем не прыгают на сворах нетерпеливые псы; зачем не обскакивают отряд избранные гарцуны и не несетя вихрем доезжачий Шибай возвещать дворецкому: какие яства и питья должны ждать на столе приближающегося владыку и кто именно, какая пара крепостных одалиск должна быть прислана с сеной держать сегодня кисти штофного одеяла повелителя?

Такого беспорядка еще никогда не было, и дворецкий, и орда холопей, и весь сонм покорных наложниц, безразличных в своих чувствах к господину и равнодушно ожидающих, чьи тайные красы мелькнут в его воображении и обозначат его сегодняшнюю прихоть, – все это недоумевает, наблюдая тихое возвращение Плодомасова. Недоумению этому нет меры, нет пределов и, кажется, не будет конца, потому что чем ближе подъезжают боярин и его сподвижники, чем более возможностей является рассмотреть их, – тем пуще сбиваются и путаются зарождающиеся соображения и выше и выше растет колоссальное недоумение!

Глава четвертая С вечера девушка

Но вот кому-то удалось рассмотреть, что четыре всадника, едущие впереди отряда, держат под укрюками седельных арчаков углы большого пестрого персидского ковра. Это тот самый ковер, назначением которого было покрывать в отъезде поле большой боярский шатер. Теперь на этом ковре, подвешенном как люлька между четырьмя седлами, лежит что-то маленькое, обложенное белыми пуховыми подушками и укутанное ярко цветным шелковым архалуком боярина.

Яркие покровы, в которые закутана загадочная фигурка, были омочены падавшим целый день дождем и позволяли ясно определить, что под ними сокрыт не раненый богатырь, а не более как четырнадцати- или пятнадцатилетний ребенок.

Когда охотничий караван подошел к самому дому, все увидели, что на остановившем общее внимание ковре была привезена девушка.

Молодая, с мокрыми черными кудрями головка пленницы была открыта и утопала в смокшейся подушке; уста девицы были полуоткрыты; зубы крепко стиснуты, а веки глаз сомкнуты. Она казалась спящею; но в самом деле она была в долгом, непробудном обмороке. Такою-то была привезена своими похитителями в село Плодомасово закромская боярышня Марфа Андревна Байцурова.

Потеряв сознание в минуту своего неожиданного похищения из родительского дома, она не выходила из обморока во все время, пока конный отряд Плодомасова несли, изрывая железом копыт черную грязь непроезжих полей; она не пришла в себя во время короткой передышки, данной коням после сорокаверстной перескачки, и в этом видимом образе смерти достигла гнезда плодомасовского боярина. В этот дом ее привели роковые судьбы. Это все увидели сразу, когда незваной пришельце улыбнулся сам сумрачный, неприветливый день осенний. Чуть только стали у боярского крыльца дрожащие с устали ноги принесших ее коней, сквозь грязно-серые облака золотыми стрелами упал пук вечернего солнца и, как бы благословив прибытие боярышни, снова закрылся.

Это было сочтено предзнаменованием, и в этом найдено было много чудного и сверхъестественного. Серый день улыбнулся над домом беспутства и оргий, и спящая пленница входила в этот дом сонной царевной, которые, по народному поверью, всегда так беспятненно чисты и без сравнения прекрасны. На том же богатом ковре, на котором боярышня совершала свое путешествие, ее в торжественном безмолвии внесли в плодомасовский дом; положили на чистое ложе, поставленное среди просторного светлого покоя, и окружили это ложе спящей красавицы целым роем прислужниц, получивших строгий наказ беречь ее пробуждение и предупредить ее желания.

С женщинами, окружавшими девственное ложе сонной боярышни, происходило нечто подобное тому, что, по апокрифическим сказаниям, происходило с языческими идолами при восходе звезды, возвестившей рождение Христа. Все эти крепостные юницы почувствовали, что век их кончен, но в сердцах их не было ни зависти, ни злости к этой пришельце. Они только чувствовали, что народился некий болий их, с которым им уже нельзя и думать ни спорить, ни состязаться.

Они стояли и безмолвно ожидали, когда настанет час им быть убранным из этого смрадного капища, ожидающего каждения очищающих курений.

Сам Плодомасов, уложив боярышню, не оставался в ее комнате ни минуты. Выйдя из этой комнаты, он также не предавался оргиям, обыкновенно сопровождавшим его возвращение домой. Он одиноко сидел в своей опочивальне и нетерпеливо ждал пошептуху, за которою

посланы были быстрые гонцы в далекое село. Эта чародейка должна была силою своих чар прекратить долгий, смерти подобный сон привезенной боярышни.

Но дело обошлось без шептухи. Прежде чем она успела явиться в хоромы призывавшего ее боярина, сенные девушки и вновь наряженные мамы, обставившие ложе спящей боярышни, стали замечать, что долгий сон боярышни начинает проходить.

О полуночи к сумрачному боярину была послана первая весточка, что по лицу у боярышни расстилается алый цвет, а по груди рассыпается белый пух и из косточки в косточку нежный мозжечок идет. Плодомасов встал, бросил вестнице на пол горсть серебряных денег и велел стеречь пленницу недреманным оком, пуще любимого глаза.

Перед ранней зарей пришла и вторая и третья весть, что боярышня открыла свои звездные очи рассыпчатые и, от тяжкого сна пробудившись, спросила: где она, у каких людей? и желает знать о своем отце с матерью. Плодомасов воспрянул; он ничего не велел отвечать боярышне и не пошел и сам в опочивальню красавицы.

Неведомый ему доселе страх удерживал его от святотатственного приближения к деве, взращенной и взлелеянной не под крышами его крепостной дворни. Он боялся, что одно появление его перед нею убьет ее, и отлагал миг этого появления. Он не пошел приветствовать свою пробудившуюся «бранку». Все время, пока сенные девушки и вновь наряженные мамы любовались девственною красотой боярышни Байцуровой и смотрели, как под ее тонкой кожей из косточки в косточку мозжечок переливается, боярин их весь день до вечера испытывал незнакомые ему муки. Ему хотелось от своей пленницы чего-то совсем не того, что он прямо брал от своих крепостных одалиск. Он видел в ней некоторое новое, незнакомое ему доселе счастье и боялся погубить это счастье: он боялся ее сопротивления, боялся своего гнева, который, восстав, не пощадит и ее. Он де пощадит ее, он изольет на нее свой гнев и бросит ее в подачку последнему псарю своему... А тогда?... Тогда... тогда он запрет псаря, но... ее не воротит.

Нет он сам хотел глядеться в ее звездчатом взоре, орошенном слезами! Дело должно было идти о том, как сделать все это, чтобы взор ее обратился к нему? Время? ласки? выжидания? А если тем временем погоня? О, погоня! тогда, если только будет погоня... тогда Плодомасов решил, что ему делать! Тогда... он не пощадит никого – ни ее, ни себя; но ее уж не возьмут из его дома такую, какую она внесена в него.

Бог знает, сколько бы еще продолжались эти колебания Плодомасова и какой бы он нашел из них выход, если бы случайное обстоятельство не подвинуло его к разрешению всего этого хотя и в духе его обычных правил, но совершенно иначе, чем предполагал он.

Глава пятая

Бесноватому коню конопляное удило

В сумерки этого же самого дня, прежде чем старик Байцуров успел проехать половину своего пути к городу и жена его в сопровождении мамы-туркини такую же часть своей дороги к селу Плодомасова, в плодомасовские области прибыл земский пристав.

Пристав этот был некоторым образом свой человек в плодомасовском доме: за него когда-то была выдана замуж одна из наиболее любимых крепостных фавориток боярина, которую Плодомасов хотел осчастливить этим благородным браком и с которой от времени до времени, наезжая в город, он, не стесняясь ее замужним положением, видался на прежних правах. Приезжая в плодомасовский дом, муж отставной боярской барыни служил боярину шутом и посмешищем: стоя на голове, он выпивал стопы вина и меду; ходил на кругах колесом; разбивал затылком орехи и плясал на столе казачка перед всей барской дворней.

В силу таких обстоятельств пристав считался в числе приближенных людей Плодомасова. Боярин не забывал семьи подьячего своими милостями; снабжал закромы его амбаришек зерном, напты – огородиной, а задворок живностью; крестил у его жены своих собственных детей и допускал его самого за подаванием пред свое лицезрение.

Зная такие отношения приезжего подьячего к боярину, холопство не замедлило доложить о нем Плодомасову и истолковать вырвавшееся при этом у боярина легкое рычание за знак согласия к тому, чтобы пристав был допущен.

Пристав был введен и поставлен пред барские очи.

– Чего тебе? – спросил, окинув гневным оком его фигуру, Плодомасов.

Выгинаясь, кланяясь и вытягиваясь, как придавленная палкой змея, подьячий подползал к боярину, не смея взвести голоса и поднять на него своих заплывших глаз.

– Чего тебе нужно? – воскликнул боярин мягче, глядя на это бестолковое выгибанье подьячего.

Подьячий продолжал ползти и снова не подавал ни гласа, ни послушания.

Сколь ни привык Плодомасов к рабскому пресмыкательству перед собою, но такое долгое и робкое ползанье уже и ему не нравилось: он чувствовал, что так долго безмолвствует человек тогда, когда ему страшно разомкнуть уста свои. Плодомасову вдруг вступило на мысль, что пресмыкающийся перед ним земский является к нему чьим-то послом с недобрými вестями, и густые серо-бурые брови насупились и задвигались, сходясь одна с другою, как сходятся два сердитые и готовые броситься один на другого медведи.

– Говори, пес! – вскрикнул боярин.

Подьячий, вместо ответа, совсем лег на землю к ногам Плодомасова и, лежа ниц лицом, поднял к нему в руке сложенный лист бумаги.

Плодомасов – всегдашний враг бумаги, всего менее склонен был встречаться с нею сегодня. В этот день он и без того сумел уже на многое пересердиться, да и притом день этот по ощущениям, принесенным с собою боярину Плодомасову, в самом деле, совсем не похож на все прежние дни его жизни. Теперь ли ему насильно отрывать себя от этих ощущений к бумаге! Но бумага эта тянется к нему с неотступною назойливостью. Несмотря на то, что он отталкивал ее и рукою и желтым каблуком узорного сапога, – она опять и тянется и трепещет. Плодомасов увидел, что ему от этой бумаги не отвязаться: он выдернул ее из рук раболепного пристава, нетерпеливо развернул, прочитал и остолбенел.

Бумага эта, в глазах Плодомасова, превосходила своею дерзостью все, что возможно на свете. В ней говорилось, что дошло до ведома самой императрицы, что помещик Никита Юрьев Плодомасов, живучи в своей отчине, селе Плодомасове, предается столь великим своеволиям и бесчинствам, что по собственному ее, императрицы, приказанию поручается губернатору дело

это строго дознать, и буде вести, до слуха государыни дошедшие, окажутся справедливыми, то того Плодомасова, ни мало не медля, заарестовать и из имения его выслать, воспретив ему навсегда в отчинах своих всякое проживание.

Исполнение этого строгого и грозного императорского указа, невзирая на все самодержавство Елизаветы Петровны, было начато, как мы видим, покорным преподнесением этого самого указа самому виноватому Плодомасову на его милостивое воззрение и обсуждение.

Боярин Плодомасов прочитал указ и воспрянул, как зверь. Вместо испуга и благопокорности воле монаршей, чего почти несомненно ожидал распростертый на полу подьячий, Плодомасов восстал во всей бездне дерзости своего безумия. Послав тысячи неистовейших проклятий, он свистнул людей и велел быть всем пред его лицо в сборе и наготове. К чему быть наготове? – про то едва ли знал и сам Плодомасов; но это было для него безразлично, потому что он в эти минуты был готов буквально на все грубое, дерзкое, на все гадкое для издевательства над явленным ему указом, призывавшим его к покорности и порядку. Он жаждал теперь только одного: оказать самое резкое сопротивление этому призыву.

Безразлично было, к чему именно готовиться и для буйной боярской опричнины, которая и сама любила барский разгул, да и не приучена была ни к каким рассуждениям. Людям этим было все равно: куда ни идти, где ни разбойничать, над кем ни издеваться. Они сызмальства отвыкли от всего доброго: они сами установили между собою обычай отречься отца и матери и бестрепетно могли видеть и поруганье отцовских седин, и издеательства над слезами матери, и бесчестие родных сестер. Любили ли или не любили они своего буйного боярина – это все равно, потому что они любили буйную жизнь, все возможности к которой открывались для них в раболепном служении буйной воле Плодомасова. Взросшие в его школе, в селе, удаленном не только от столиц, но и от всякого средоточия власти, они имели понятие о законной власти только чрез таких представителей этой власти, как ходивший перед ними колесом на кругах пристав, и потому, весьма естественно, не могли чувствовать ни малейшего авторитета этой власти.

Дело, цель для разрешения диких стремлений боярина указал стоявший перед ним коленопреклоненный подьячий.

– Отец! отец! – заголосил он боярину по выслушании его гневного приказа о сборе людей. – Не вели ты этого; не вели седлать коней и взнуздывать; вели холопам твоим с свайкой да с лыком сесть по конникам да смиренные лапти плесть, а то гордотой пуший гнев на себя оборотишь.

Плодомасов вскипел; схватил лежащий на столе указ, быстро разорвал эту бумагу на мелкие кусочки, бросил их на пол и, наступив на них ногою, проговорил:

– Вот я куда ее указы кладу! Она не правого ложа.

Подьячий упал на локоть на пол и в ужасе выпятился крюком, точно в несутерпной судорге.

– Умилосердись! не слышу! ничего не слышу! – вопил коленопреклоненный представитель власти, то закрывая руками уши, то молитвенно простирая эти руки к полам пестрого архалука бушующего боярина. – Выслушай, милостивец, – я еще не все сказал тебе. На тебя и еще невзгода идет, – от дел твоих. Встретил я Байцурова, едет на тебя с жалобой, что ты у него его дочку отъемом увез. Отпусти ее, боярин, – если она уж и неправильная, отпусти, – свои люди не доказчики, только скорее ее из дома вон, а то не сейчас, то на утрие, гляди, беды за нее вытерпишь.

Этого было довольно Плодомасову. Кто? мелкая сошка Байцуров, не принявший чести, которая была ему сделана предложением брака его дочери, приносит на него жалобу, и по этой жалобе могут с него, Плодомасова, что-нибудь взыскивать? Нет, этого уж нельзя снести Плодомасову!

«Он не хотел, чтобы она была моей женою, – промелькнуло в уме Плодомасова, – так я же ее в другой чин сделаю. Чем, да и вправду, она лучше моих девок, что я так смотрю на нее? Когда уж и этот подьячий не сомневается, что она, побывши в моем доме, теперь неправильная, а я отпущу ее так! а я дам посмеяться надо мною!»

В душе Плодомасова произошел совершенный поворот; тех нежных и застенчивых чувств, которыми она недавно была полна к юной пленнице, теперь в ней не оставалось и слабого следа.

– Быть с нею всему тому, что и допреж ее было со всеми непокорными, – решил боярин. – Будет она моею, и не забуду я моею подачкою и верных слуг моих: останется и Ваське, и Тараске, и всей челяди. Иди за мной и смотри, что я с ней за эти слова твои сделаю! – рявкнул боярин приставу и потащил его, еле дышащего, вслед за собою в верхний этаж, где в той же опочивальне молодая боярышня, кругленькая и белая как свежая репochка, сидела посреди широкой постели и плакала, трогая горем своим и старых мам и нянь и стоящих вокруг нее молодых сенных девушек.

Боярин тек как тяжелая грозовая туча, подхваченная неукротимой бурей. Подойдя к дверям опочивальни своей пленницы, он не коснулся рукою замочной меди и не крикнул, чтобы дверь была отперта ему изнутри, но прямо сшиб ее с петель одним ударом сапога и предстал изумленным взорам боярышни и ее свиты.

Глава шестая

К полуночи молодуха

Когда случилось внезапное появление Плодомасова у дверей молодой бранки Байцуровой, на дворе, по причине короткого осеннего дня, стояла уже густая, непроницаемая тьма; моросил мелкий, частый дождик, и тихий, но упругий ветер уныло выли и шумел за выходящими в сад окнами боярышниной опочивальни.

Боярышня, как сказано, сидела и плакала, плакали и все ее окружающие. У всех на лице было одно ее горе, и появления Плодомасова сюда в эту минуту не ожидал никто, а сама боярышня всех менее. В тоске об отце и о матери, которых нежно любила, она вовсе не имела и времени размышлять ни о своей судьбе, ни о своем похитителе. Она вовсе не думала о нем и решительно окаменела при его появлении. Увидев перед собою Плодомасова, боярышня Марфинька даже не потянула одеяла, чтобы закрыть свои плечи, сверкнувшие перед распаленными гневом глазами боярина.

– Ну, дорогая боярышня, как спала-почивала и что во сне видела? – спросил ее Плодомасов, садясь насупротив постели на тяжелое кресло, за которым, раболепно притаясь, стал земский пристав.

– Спала, боярин, в твоём терему сладко, и за тот сон тебя благодарствую; а видела во сне моего отца с матерью, и надеюсь, что ты меня не удержишь неволей и отпустишь к ним, – смело отвечала боярышня.

– Ну, уж на это, соколка моя, лучше не надейся. Не на то ты увезена, чтобы тебе опять под отцовский потолок идти.

Девушка посмотрела в глаза боярину своими детскими глазами и спросила:

– На что же я, боярин, увезена?

– На что?

Плодомасова неожиданно смутил этот наивный вопрос. Он хотел ответить ей что-то немилосердное и бесстыдное, но, глядя в ее детское личико, застыдился этого своего намерения.

А в эту минуту девушка тихо скользнула с постели и, перебежав босыми ногами расстояние, отделявшее кресло боярина от ее кровати, со слезами бросилась в ноги Плодомасову и, рыдая, проговорила:

– Боярин! умилосердись надо мной! Немилостивых ад ждет! Отпусти меня к батюшке с матушкой, – я в монастырь пойду и стану за тебя богу молить.

Плодомасов решительно не знал, как ему приступить к приведению в исполнение своих угроз. Он мялся и пыхтел, глядя в плачущие очи ребенка, и не отнимал у девушки своих больших красных рук, которые та в отчаянии сжимала в своих ручонках.

– Я, – заговорил, он наконец, – хотел было тебя сделать своей честною женою...

– Нет! нет! – отвечала, быстро вспрыгнув и отскочив от него к своей кровати, боярышня. – Нет, я не хочу быть твоею женою: ты отпусти меня к батюшке.

– Стой! – гневливо остановил ее Плодомасов.

– Люди добрые, заступитесь за меня! – отчаянно вскрикнула боярышня, кидаясь в толпу сердобольных нянь, мам и сенных девушек, так недавно ливших о ней горячие слезы и оказывавших ей столько искреннего участия.

Но теперь боярышня не узнала ни одного лица в этой толпе: так изменило их присутствие боярина.

Няни, мамы и сенные девушки расступились, как только боярышня вскочила в среду их, и снова сгучились сзади ее, оставляя пленницу впереди себя, лицом к лицу с Никитою Плодомасовым.

Боярышня, выданная таким маневром головою, оглянулась на робкую челядь и в одно мгновение словно переродилась.

– Дай мне, раба, мой шугаик! – произнесла она твердым и решительным голосом, заметив свое непозволительное дезабилье.

Десятки рук в мгновение ока поспешили исполнить ее требование.

Плодомасов ничему этому не прекословил.

Боярышня теперь стояла перед ним совсем одетая, во всем том наряде, в котором она пленила его в своем родительском доме. Слезы, недавно обильно лившиеся по ее лицу, теперь высохли, и грустные, сухие глаза ее смотрели с выражением того бестрепетного спокойствия, вид которого так напереносен самоуправцам, потому что он в одно и то же время и смущает и бесит их.

– Так знаешь ли ты, умная боярышня, что я с тобою сделаю? – вскричал Плодомасов.

– А что бы ты со мною ни сделал, на всем том, пока я в твоих руках, твоя воля; но женою твоей я быть не хочу.

– Что? – вскрикнул, побагровев, Плодомасов.

– Гнева твоего не пугаюсь, – отвечала боярышня. – Что ты больше гневлив и страшен, то мне радостней: убить велишь – всего лучше будет.

– Так не женой и не боярышней, а вот такую ж, как эти, ты будешь! – вскричал Плодомасов, указав рукою на своих сенных девушек, и неистово захлопал в ладоши.

На этот призыв, как сказочный лист перед травой, предстал перед Плодомасовым старый дворецкий и, водя в ужасе вокруг глазами, произносил одно ни к чему, по-видимому, не идущее слово: «драгуны!»

– Что за драгуны? где эти драгуны?

– Здесь, боярин, драгуны, – отвечал старик, указывая на дверь, которая в это время открылась, и в комнату, брэнча своей сбруей, вошел тяжелой поступью драгун в невиданной здесь никем до сих пор тяжелой, медью кованной каске с черным конским хвостом на гребне.

Он привез боярину строгий губернаторский приказ не сделать никакого зла похищенной им боярышне Байцуровой и беречь ее паче своего ока, а наипаче не сметь дерзать и мыслию на ней жениться.

Это не только было написано в бумаге, которую драгун вручил Плодомасову, но все это было во всеуслышание сказано ему драгуном и на словах, и слова эти слышали и его челядь и земский пристав, в глазах которого Плодомасов обличал столько дерзкого непослушания указу, писанному именем царицы, и, наконец, в глазах самой боярышни, за которую вдруг является такая горячая защита.

Плодомасов взглянул на спокойное лицо девушки, из-за которой загорелся весь этот сырбор, и почувствовал, что все это дело совсем какой-то вздор, из-за которого нимало не стоило ничего подобного поднимать и затевать борьбу, в которой вдруг ему стало слышаться что-то роковое.

Плодомасов еще раз взглянул на Байцурову, и она ему в эту минуту даже не понравилась. Так, девочка-снегурочка, грибок сыроежка, вздор перед этими белогрудыми лебедками, которых он всех непосредственный султан, минутный муж и повелитель. Стоило ли все это сотой доли его боярского беспокойства, когда все дело это взять в ком, смести да за двор везти... и дом боярский будет так же полон, и постеля боярская так же согрета? Но этот торчащий здесь драгун; этот земский ярыжка и вся эта сволочь, при которой производится его обуздывание, тогда как никто не должен был знать, что и на него есть узда, – вот что напереносно; вот с чем нельзя примиряться Плодомасову! Холопья душа самоуправца чувствует, что она не сможет снести холопьем насмешки. Ему все равно, сложит ли эта насмешка чьи-нибудь уста в улыбку или сомкнет их раболепным молчанием: он не только в улыбке, не только в молчании, но даже в столах, которыми он может заставить стонать и молчание и улыбку, – во всем он будет слы-

шать насмешку над его бессилием перед этим драгуном, перед какими-то угрозами, перед кем-то старшим, кто отныне займет главенство в подвластных ему умах.

Плодомасов все это сообразил в одно мгновение; в другое – решил, что он во что бы то ни стало не должен допустить этого главенства и для этого превзойдет дерзостью все, что до сих пор когда-нибудь делывал; а в третье он встал, хлопнул в ладоши и молча указал вбежавшим слугам на драгуна.

Тот, наблюдая боярина, понял его жест и, выхватив палаш, бросился в угол покоя; но жест боярина еще быстрее был понят его челядью, и драгун не успел размахнуться ни одного раза вооруженною рукою, как уже лежал на полу, сдавленный крепкими, железными руками чуть не по всем суставам. Грозный конский хвост на голове драгуна, за минуту перед сим столь угрожающий и останавливающий на себе всеобщее внимание, теперь ничего не значил.

– Веревку! – скомандовал боярин, обратясь к одному личарде.

– Попа и дьяков! – повелел он другому.

– Затрави петлю и опусти через крюк в потолке, – приказал он рабу, принесшему свежую пенькову веревку.

Петля была затравлена из вытрепанного конца веревки и спущена через крюк, на котором держался полог боярышниной постели.

В комнату, трепеща и спотыкаясь, предстали вывихнутые через порог в спину поп и дьяки.

– Становись перед образом, – скомандовал попу боярин.

– Батюшка, помилосердуй! – молился боярину трепещущий и плачущий священник.

Боярин свистнул.

Два гайдука схватили дрожащего попа и всунули его в принесенную ризу, а третий намыливал перед его глазами куском мыла веревочную петлю.

– Начинай! – сказал Плодомасов замирающему священнику, когда облачившие его гайдуки поставили его перед образом.

– Что прикажешь, отец? – едва пролепетал почти потерявший со страху всякое сознание священник.

– Венчанье, – ответил Плодомасов.

Все так и остолбенели.

– Пой! – бешено крикнул боярин.

– Кому? – едва мог обронить, глядя на намыленную петлю, священник.

– Мне, – отвечал Плодомасов и, сорвав за руку с места боярышню Марфу Андревну, стал с нею за поповскую ризую.

Плачущий поп и плачущие дьяки пели венчанье плачущей боярышне, которую со связанными сзади локоточками и завязанным ртом держали на руках плачущие девушки; но сам боярин, ко всеобщему удивлению, молился искренно, тихо и с умилением.

– Теперь же, поп, я тебя пожалею, – сказал Плодомасов по окончании обряда. – Я тебя от беды уберегу и тебе обыскных припас. Давай книгу! Вот государынин драгун да этот другой воеводский посол (он указал на пристава) – они чужие люди, и распишутся, что боярышня со мной радостью и охотою повенчалась.

– Царский драгун, чай, неграмотен, а воеводский посол хитер в письменности, давайте ему, он за обоих распишется., – продолжал отдавать приказание Плодомасов.

– А чтобы его лучше охота брала подписываться, накиньте ему, пока последнее слово выведет, мыльный тсил на шею, – заключил боярин, заметив нерешимость и дрожание пристава.

Чиновнику надели петлю на шею, а в руки дали лебяжье перо, и он написал в обыскной книге все, что требовал Плодомасов.

– Ну, вот так хорошо, – сказал боярин и приказал подьячему написать в конце бумаги, привезенной драгуном: «мужа с женой никакая власть не разлучает».

Чуть только эта подпись подоспела, боярин выхватил лист из-под руки пристава и бросил в глаза драгуну бумагу, в которой Плодомасову повелевалось: «наипаче не смей дерзать и мыслию жениться на боярышне Байцуровой».

Но, оправясь с указами власти и с ее посланными, Плодомасову оставалось оправиться с живою силою молодой жены. Это оказалось всего труднее... Силком связанную боярышню обвенчали; но чуть ей после венчания распустили белые локотки ее, она легкою векшею прыгнула на окно и крякнула:

– Шаг ко мне шагнешь – за окном на земле буду! Не слушаешь, так вели зараз твоему попу мне отходную честь!

Боярин и слуги окаменели.

– Выйди вон! – сказала боярышня, не сходя с окна. – Выйди вон, а не то я сейчас за окно брошусь!

Боярин махнул рукой людям и сам вслед им стал выходить спиной к двери.

Марфа Андревна стояла по-прежнему на краю раскрытого окна.

– А долго же ты так прстоишь? – спросил ее Плодомасов на пороге.

– А пока горяч камень треснет, либо пока сама захочу.

Плодомасову легло по сердцу дать ей волю и послушаться.

Он ушел, а она простояла так до рассветной поры.

Глава седьмая

Ко белу свету хозяйюшка

Поздний осенний рассвет застал село Плодомасово, или собственно плодомасовскую господскую усадьбу, в таком положении, в каком мест этих еще не освещало ни одно утро. Помещичий дом был буквально обложен войсками.

Репутация, которую приобрел себе Никита. Плодомасов, не позволяла шутить, когда дело шло о том, чтобы ограничить своеволие этого дебошира и отнять у него его добычу. Губернатор сам побеспокоился сделать визит Плодомасову и собрал себе свиту, которая дала ему возможность рассчитывать, что он не будет сконфужен и выйдет из плодомасовского дома не вперед пятками и не вниз головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.